

— Мне не нравится в Сиори именно это.

Неожиданные слова заставили меня на мгновение засомневаться — не ослышалась ли я?

Что? Ненавижу? Нет, быть не может. Только что она с таким жаром говорила о Сиори, называла её милой — как же может ненавидеть?

Наверное, просто ошиблась...

— Да, милой я её считаю. Но то, что не нравится — так и остаётся неприятным.

О нет! Это не ошибка!

Я растерялась, не зная, что ответить, и лишь крепче сжала телефон в руках. В этот момент рядом раздался тихий смешок, а потом голос Йоко, полный насмешки:

— Ого, шокирующее признание, да?

Мне стало до боли обидно.

— Именно так! Шокирующее признание! Я думала, хоть вы, Йоко-сан, странная, но цените Сиори! И почему вы мне это говорите?! Даже если вам не нравится Сиори — я всегда буду на её стороне! Безоговорочно! Абсолютно!

Высказав всё это, я, как взъерошенный кот, тяжело дышала от возмущения. Но вместо того чтобы извиниться или хотя бы успокоиться, Йоко — та самая, которая должна была злиться — вдруг расхохоталась.

А я-то серьёзно злилась! Так раздражает!

— Ахаха, прости, прости... Просто ты так мило сердисься. Пфф, хаха... «Безоговорочно» — последний раз такое слышала, когда сама в начальной школе была. Какая ты милая, честное слово.

— Вы опять выбираете не те места для комплиментов!

— А, да, да, извини, извини. Теперь я поняла: твоя любовь к Сиори — глубока и искренна. Ладно, вернёмся к делу: дело не в самой Сиори. Мне не нравится, что она слишком мечтательна.

— ...То есть, по сути, это всё равно оскорбление?

Я не стану говорить, что никогда не скажу ничего плохого — это уж слишком святое обещание для обычного человека. Но о Сиори я действительно не хочу говорить плохо.

Моя непреклонная позиция заставила Йоко замяться:

— Не в том смысле... э-э...

Она ведь только что сказала «ненавижу» — а теперь утверждает, что это не оскорбление? В уме я уже приняла боевую стойку и ждала следующих слов. Она снова задумчиво протянула «mmm...», а затем спросила:

— Сара, а как ты думаешь — что такое мечта?

Мы же только что говорили о Сиори, а тут вдруг такой абстрактный вопрос. Голос её звучал серьёзно — явно не пыталась отвлечь или уйти от темы. И речь точно не шла о снах во время сна.

Подумав немного, я ответила:

— Наверное, это приятные фантазии или желания относительно будущего?

— Да, именно так, — удовлетворённо кивнула она.

— И зачем вы спрашиваете меня об этом? Что вы хотите сказать?

— Ну, послушай. Как ты и сказала — я тоже считаю, что мечта — это фантазия или желание. Но разве это не значит... что это цель, которую человек не собирается достигать самостоятельно?

Голос её оставался таким же лёгким и весёлым, как всегда. Я даже могла представить, как она улыбается, говоря это.

Но почему-то мне стало холодно по спине — будто в этом голосе скрылась другая, более острословная интонация.

Зачем мы вообще завели этот разговор? Мы ведь начали с истории про признание председателя, а теперь внезапно перешли на Сиори... и на какие-то загадочные, почти философские рассуждения.

— После всей этой истории с председателем я поняла: просто мечтать — недостаточно. Если хочешь чего-то — нужно самому идти навстречу, протягивать руки и хватать это.

— Да... возможно, вы правы.

Ведь и моя школьная жизнь была такой же. Иногда удача приходит сама собой — но чаще всего этого недостаточно.

Кстати, в Библии ведь тоже есть подобная мысль — что-то вроде «просите — и вам будет дано». Похоже, люди, хоть и живут в разных временах и местах, всё равно думают примерно одинаково.

Но если продолжать эту логику — получается, что Сиори — человек, который не стремится добиваться того, чего хочет? Это не так.

— Сиори умница, поэтому ей не нужно особенно стараться — большинство вещей она получает, просто слегка протянув руку. Например, первое место в рейтинге учеников.

Слова, будто прочитанные в моих мыслях. Конечно, всё не так просто — но я понимаю, что она имеет в виду. Сиори действительно талантлива.

— Но ведь бывают и вещи, которые нельзя получить легко? А она не бросается за ними, не рвётся — просто стоит на месте, потому что боится. Хотя сама, кажется, даже не осознаёт этого.

— Правда?

— Да. Вечно придумывает оправдания. Умная ведь — вот и находит «логичные причины», чтобы не действовать. А поскольку она этого не осознаёт, то искренне верит, что именно эти причины — главная причина её бездействия. Вот в чём проблема.

Йоко театрально вздохнула:

— Уже надоело слушать её отговорки.

Но ведь не нужно было специально так это формулировать — она и так бы поняла.

— Раньше Сиори сказала, что видит реальность ясно, но это лишь наполовину правда, а наполовину — ложь. Она вообще не замечает тех частей жизни, что ей выгодны.

Йоко, явно раздражённая, добавила:

— Она всё время оглядывается на то, что ей не нравится, а всё хорошее просто считает мечтой.

— Из-за этого, если у неё появится кто-то, кого она полюбит, она наверняка будет вести себя неуклюже и сама всё испортит. Уже представляю, как я, старшая сестра, буду переживать!

— Ахаха...

Если бы Сиори услышала, как Йоко назвала её «старшей сестрой», она бы точно возмутилась: «Кто тебе разрешил так меня называть!» Но Йоко, наверное, именно это и развлекает. У неё, надо признать, крепкие нервы.

Но сейчас не до шуток. Слишком уж много намёков бросает Йоко, а я не настолько глупа, чтобы не понять. Сначала она заговорила о том, как мечтательность мешает в отношениях, а потом с такой уверенностью начала объяснять. Получается, она знает, чего Сиори хочет на самом деле? И даже выяснила, какие у неё оправдания для бездействия?

Зачем она говорит мне об этом? Подумав, я поняла: для Йоко это не просто разговор — она хочет, чтобы я что-то сделала. Ведь она всегда готова встать на защиту Сиори.

— Йоко-сан, вы всё ещё не идеальны. Сиори мила даже со всеми своими странностями.

— Ах ты, хитрющая! Но я-то уже отлично знаю, как мила эта сложная и упрямая председательница — такая же, как Сиори.

— Спасибо за комплимент. Если будет возможность, познакомьте нас. Кстати, история про признание ведь ещё не закончена.

— А, верно. Уже почти забыла. Куда я дошла... А, да — после того, как Сиори предложила компромисс, мы вышли из кабинета ученического совета, и я остановила председательницу. Остальных отправила прочь, чтобы поговорить с ней наедине.

— Ого, наконец-то признание!

— Ну, вроде того. Сначала я спросила: «Ты правда меня любишь?» Она ответила «да», и я сказала: «Тогда и я тебя люблю». Только вот... по-твоему, кто кому сделал признание?

.....

Вместо того чтобы спрашивать, ей следовало просто решительно бросить: «Я люблю тебя!» — и не сомневаться. Даже если это грубо с моей стороны — но я не могу удержаться. Почему Йоко-сан, обычно такая смелая, вдруг решила подстраховаться?

— Признание было первым, кто сказал «люблю», значит, победила председательница.

— А откуда тут вдруг победа и поражение?

— Неважно!

Я никогда не буду так неуверенно признаваться в чувствах!

Пусть подготовка уже и завершена, но в момент признания я должна быть сильной и решительной. Хочу, чтобы Сиори запомнила этот миг навсегда. Если мы обе чувствуем одно и то же, тогда я сделаю так, чтобы она полюбила меня ещё сильнее.

И уже послезавтра, когда Сиори выйдет из этой комнаты, мы станем парой. Нет, мы станем парой, я обещаю!

□□□□□□□□

— Тогда обдумайте всё это. Решать, что делать дальше, предоставлю вам, председательница.

С Йоко, присевшей в коридоре перед кабинетом ученического совета, лился холодный пот. Обычный разговор не привлёк бы внимания, но громкие звуки в коридоре разносились чётко. Удивительно, что до сих пор их отношения с председательницей оставались в тайне. Возможно, им повезло. Или повезло Сиори, которая их нашла. Только она могла услышать то, что скрывалось за стенами кабинета.

Когда разговор с Сиори завершился, Йоко задержала председательницу, когда та уже собиралась уйти. Не отводя глаз от смущённой девушки, которая уже отступала назад, она тихо закрыла дверь за собой. Громкий стук старой двери заставил председательницу в отчаянии опустить голову. Йоко усмехнулась про себя, гадая, о чём та сейчас думает.

Каждый шаг Йоко заставлял председательницу отступать. Но кабинет был маленьким, и вскоре та оказалась прижатой к окну. Озираясь по сторонам, словно ища выход, она вдруг замерла, будто смирилась с неизбежным.

— Председательница...

Та лишь слабо покачала головой в ответ. Похоже, она ещё не была готова сделать то, о чём говорила Сиори.

Йоко протянула руку, но вовремя заметила, что с улицы их могут видеть, и задёрнула светлые жёлтые шторы.

— Председательница... — произнесла она мягче, но вместо ответа услышала только тихие всхлипы и капли слёз, падающих на пол.

«Ну и нерешительная же ты, — подумала Йоко. — Годами лгала, чтобы сохранить эти отношения, а сейчас, когда всё раскрылось, даже не можешь ничего сказать». У неё было множество вопросов, но сейчас её волновал только один.

— Ты правда меня любишь?

Председательница вздрогнула, будто её обвинили. Её голос дрожал, когда она прошептала: «Прости...», но Йоко не хотела извинений.

Не выдержав, она резко притянула её к себе. В ответ раздался глуповатый возглас: «Эй?!» — такой неожиданный, что Йоко едва сдержала улыбку.

Напряжение спало, оставив после себя странное спокойствие. Никогда раньше они так не обнимались. Раньше это были лишь попытки удержать близость, но не передать чувства. А сейчас... сейчас всё было по-другому.

— Я хочу услышать это от тебя. Скажи, что любишь меня.

Она знала, что сама может признаться первой, но в этот момент ей казалось важным, чтобы первыми были слова председательницы. Даже если это глупо — ей нужно было услышать это, чтобы простить всё.

— ...Люблю.

Слово, вырвавшееся из губ председательницы, было тихим, почти неразборчивым. Но оно прозвучало. И этого было достаточно.

Йоко не стала шутить, спрашивая «Что?», как обычно. Вместо этого, глубоко вздохнув, сказала:

— Я тоже люблю тебя. Любила давно, ещё с тех пор, как мы познакомились.

Слова, которые она держала внутри три года, вырвались наружу, оставив после себя ощущение лёгкости. Это была простая фраза, без пафоса и красивых слов, но именно так, наверное, и должны звучать настоящие признания.

— Я люблю тебя, правда... очень сильно.

— У меня нет права так говорить...

— Разве для меня есть что-то важнее, чем то, что я люблю тебя, а ты любишь меня?

Председательница замерла, затем вздохнула и, словно сдавшись, положила руки Йоко на спину.

— Ты ужасно шутишь.

— А ты ещё хуже.

Йоко подумала, что они обе сначала всё испортили. Слишком боялись, слишком защищали себя, слишком много времени потратили на обходные пути. Но сейчас, наконец, они нашли друг друга. И она больше не позволит себе ошибиться.

— Сиори теперь мы многим ей обязаны.

— Да уж. Но ты уже думаешь о другой девушке?

— А ты ревнуешь?

— Ещё бы. Я очень ревнива.

Йоко рассмеялась. Её девушка действительно была невероятно наивной. Наверное, поводом для ревности стали её частые комплименты другим. «Надо будет как-то загладить», — решила она.

Однако, помимо шуток, Йоко понимала, что Сиори заслуживает всей их благодарности. Но как отблагодарить друга, который спас их отношения? Это оставалось загадкой.

Когда прозвенел звонок, возвращающий в классы, голоса учеников на спортплощадке напомнили им о реальности. Время шло, но ни Йоко, ни председательница не спешили покинуть кабинет. Лишь председательница, словно вспомнив о своём долге, нервно пошевелилась.

Когда она мягко высвободилась из объятий, Йоко подумала, что та, наверное, уходит. Но вместо этого председательница крепко взяла её за руку и, сжав губы, произнесла:

— Я люблю тебя, Йоко. Стань моей девушкой.

Ответ был очевиден. Этот момент она ждала так долго, что даже в самые тяжёлые дни не позволяла себе отпустить эту надежду. Теперь, когда он наступил, в её сердце не осталось места ни для сомнений, ни для страха. Она крепко сжала руку председательницы, и их улыбки, смешанные со слезами, говорили сами за себя.

Спасибо за прочтение.

<http://bllate.org/book/16065/1436369>